

В. В. Вересаев

**Полное собрание
сочинений**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В31

В31 **Вересаев В.В.**
Полное собрание сочинений: Том 1 / В. В. Вересаев – М.: Книга по Требованию,
2017. – 388 с.

ISBN 978-5-517-99318-2

ISBN 978-5-517-99318-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАГАДКА.

Я ушелъ далеко за городъ. Въ широкой котловинѣ тускло свѣтились огни города, отгуда доносился смутный шумъ, грохотъ дробекъ и обрывки музыки; былъ праздникъ, надъ окутаннѣмъ пылью городомъ взвивались ракеты и римскія свѣчи. А кругомъ была тишина. Но краямъ дороги, за развѣсистыми ветлами, волновалась рожь и тихо трещали перепела; звѣзды теплились въ глубокомъ небѣ.

Ровная, накатанная дорога, мягко свѣря въ муравкѣ, бѣжала вдаль. Я шелъ въ эту темную даль, и меня все полиѣе охватывала тишина. Теплый вѣтеръ слабо дулъ навстрѣчу и шурпалъ въ волосахъ; въ немъ слышался запахъ зрѣющей ржи и еще чего-то, что трудно было опредѣлить, но что всѣмъ существомъ своимъ говорило о ночи, о лѣтѣ, о безпредѣльномъ просторѣ полей.

Все больше мною овладѣвало странное, но ужъ давно мнѣ знакомое чувство какой-то тоскливой неудовлетворенности. Эта ночь была удивительно хороша. Мнѣ хотѣлось насладиться, унитъся ея досыта. Но по опыту я зналъ, что она только измучитъ меня, что я могу пробродить здѣсь до самаго утра и все-таки ворочусь домой недовольный и печальный.

Почему? Я самъ не понимаю... Я не могу иначе, какъ съ улыбкою, относиться къ одухотворенію природы поэтами и старыми философами; для меня природа, какъ цѣлое, мертва:

Въ ней нѣтъ души, въ ней нѣтъ свободы...

Но въ такія ночи, какъ эта, мой разумъ замолкаетъ, и мнѣ начинаетъ казаться, что у природы есть своя единая жизнь, тайная и безусловная; что за измѣняющимися звуками и красками стоитъ какая-то вѣчная, неизмѣнная и до отчаянія непонятная красота. Я чувствую,—эта красота недоступна мнѣ, я неспособенъ воспринять ее во всей цѣлости; и то не-

много, что она миѣ дастъ, заставляетъ только мучиться по остальному.

Никогда еще это настроеніе не овладѣвало мною такъ сильно, какъ теперь.

Огни города давно скрылись. Кругомъ лежали поля. Справа, надъ свѣтлымъ моремъ ржи, темнѣлъ вѣковой садъ барской усадьбы. Ночная тишина была полна жизнью и целыми звуками. Надъ рожью слышалось какъ будто чье-то широкое, сдержанное дыханіе; въ темной дали чудились то пѣсія, то всплескъ воды, то слабый стонъ: крикнула ли это въ небѣ спугнутая съ гнѣзда цапля, инскнула ли жаба въ сосѣднемъ болотѣ,—Богъ вѣсть... Теплый воздухъ тихо струился, звѣзды мигали, какъ живыя. Все дышало глубокимъ спокойствіемъ и самоудовлетвореніемъ, каждый колебавшійся колосъ, каждый звукъ какъ будто чувствовали себя на мѣстѣ, и только я одинъ стоялъ передъ этою ночью, одинокій и чуждый всему.

Она жила для себя. Миѣ было обидно, что ни одной живой души, кромѣ меня, нѣтъ здѣсь. Но я чувствовалъ, что сѣ самой, этой ночи, глубоко безразлично, смотреть ли на нее кто, нѣтъ ли, и какъ къ ней относится. Не будь и меня здѣсь, вымри весь земной шаръ, — и она продолжала бы сиять все тою же красотою, и не было бы ей дѣла до того, что красота эта пропадаетъ даромъ, никого не радуя, никого не утѣшая.

Слабый вѣтеръ пронесся съ запада, ласково пригнулъ головки полевыхъ цвѣтовъ, погналъ волны по ржи и зашумѣлъ въ густыхъ линахъ сада. Меня потянуло въ темную чащу липъ и березъ. Изъ людей я тамъ никого не встрѣчу: это — усадьба старухи-помѣщицы Ярцевой, и съ нею живетъ только ея сынъ-студентъ; онъ застѣчивъ и молчаливъ, но ему рѣдко приходится сидѣть дома: его наперерывъ приглашаютъ къ себѣ сосѣднія помѣщицы и городскія дамы. Говорятъ, онъ замѣчательно играетъ на скринкѣ, и его московскій учитель-профессоръ сулитъ ему великую будущность.

Я прошелъ по межѣ къ саду, пересбрался черезъ заросшую крапивою канаву и покосившійся плетень. Подъ деревьями было темно и тихо, пахло влажною лѣсною травою. Небо здѣсь казалось темнѣе, а звѣзды ярче и больше, чѣмъ въ полѣ. Вокругъ меня съ чуть слышнымъ звономъ мелькали летучія мыши, и казалось, будто слабо натянутыя струны звенятъ въ воздухѣ. Съ деревьевъ что-то тихо сыпалось. Въ травѣ, за стволами липъ, слышался смутный шорохъ и движеніе. И тутъ вездѣ была какая-то тайна и своя особая жизнь...

Аллея шла, отлого спускаясь къ пруду; оттуда тинуло сы-

ростью и запахомъ тины. Я свернулъ въ траву. Сначала долго шель густой вишенникъ, за нимъ была цѣлая роща молодыхъ осинокъ. Я прошелъ ее, перескочилъ канаву — и неожиданно вышелъ къ пруду.

На востокъ начинало свѣтлѣть, но звѣзды надъ пвами плотины блестяли попрежнему ярко; внизу, подъ горою, по широкой глади пруда шель паръ; открытая дверь купальни странно поскрипывала въ тишинѣ. Однообразно кричалъ дергачъ. «Ччи-чи! Ччи-чи!» — спокойно и увѣренно звучало въ воздухѣ. Спокойно мерцали звѣзды, спокойно молчала ночь, и все вокругъ дышало тою же увѣренною въ себя, петревозною и мучительно-загадочною красотою.

Усталый, съ накипавшимъ въ душѣ глухимъ раздраженіемъ, я присѣлъ на скамейку. Вдругъ гдѣ-то недалеко за мною раздалась звуки настраиваемой скрипки. Я съ удивленіемъ оглянулся: за кустами акацій бѣлѣлъ задъ небольшого флигеля, и звуки неслись изъ его раскрытыхъ настезь, несвѣщенныхъ оконъ. Значить, молодой Ярцевъ дома... Музыкантъ сталъ играть. Я поднялся, чтобы уйти: грубымъ оскорбленіемъ окружающему казались мнѣ эти искусственные человѣческіе звуки.

Я медленно подвигался впередъ, осторожно ступая по травѣ, чтобы не хрустнулъ сучокъ, а Ярцевъ игралъ...

Странная это была музыка, и сразу чувствовалась импровизація. Но что это была за импровизація! Пронло пять минутъ, десять, — а я стоялъ не шевелясь и жадно слушалъ.

Звуки лились робко, неуѣренно. Они словно искали чего-то, словно силились выразить что-то, что выразить были не въ силахъ. Не самую мелодіей приковывали они къ себѣ вниманіе, — ея, въ строгомъ смыслѣ, даже и не было, — а именно этимъ исканіемъ, томленіемъ по чьей-то другомъ, что невольно ждалось впереди. — «Сейчасъ ужъ будетъ *настоящее*», — думалось мнѣ. А звуки лились все такъ же неуѣренно и сдержанно. Изрѣдка мелькнетъ въ нихъ что-то, — не мелодія, а лишь обрывокъ, намекъ на мелодію, — но до того чудную, что сердце замирало. Вотъ-вотъ, казалось, схвачена будетъ тема, — и робкіе, ищущіе звуки разольются божественно-спокойною, торжественною, неземною пѣсню. Но проходила минута, и струны начинали звенѣть сдерживаемыми рыданіями: намекъ остался непонятнымъ, великая мысль, мелькнувшая на мгновеніе, исчезла безвозвратно.

Что это? Неужели пашелся кто-то, кто переживалъ теперь то же самое, что я? Сомнѣнія быть не могло: передъ *нимъ* эта ночь стояла такою же мучительною и неразрѣшиною загадкою, какъ передо мною...

Вдругъ раздался рѣзкій, нетерпѣливый аккордъ, за нимъ другой, третій, — и бѣшеные звуки, перебивая другъ друга, бурно полились изъ-подъ смычка. Какъ будто кто-то скованный яростно рванулся, стараясь разорвать цѣпи.

Это было что-то совсѣмъ новое и неожиданное. Однако чувствовалось, что именно нѣчто подобное и было нужно, что при прежнемъ нельзя было оставаться, потому что оно слишкомъ измучило своею бесплодностью и безнадежностью... Теперь не слышно было тихихъ слезъ, не слышно было отчаянія; силою и дерзкимъ вызовомъ звучала каждая нота. И что-то продолжало отчаянно бороться, и невозможное начинало казаться возможнымъ; казалось, еще одно усиліе, — и крѣпкія цѣпи разлетятся въ дребезги, и начнется какая-то великая, неравная борьба. Такою повѣяло молодостью, такою вѣрою въ себя и отвагою, что за исходъ борьбы не было странно. — «Пускай иѣтъ надежды, мы и самую надежду отвоюемъ!» — казалось, говорили эти могучіе звуки.

Я задерживалъ дыханіе и въ восторгѣ слушалъ. Ночь молчала и тоже прислушивалась, — чутко, удивленно прислушивалась къ этому вихрю чуждыхъ ей, страстныхъ, негодующихъ звуковъ. Поблѣднѣвшія звѣзды мигали рѣже и неувереннѣе; густой туманъ надъ прудомъ стоялъ неподвижно; березы замерли, поникнувъ плакучими вѣтвями, и все кругомъ замерло и притихло. Надъ всѣмъ властно царили несшіеся изъ флигеля звуки маленькаго, слабаго инструмента, и эти звуки, казалось, гремѣли надъ землею, какъ раскаты грома.

Съ новымъ и страннымъ чувствомъ я оглядѣлся вокругъ. Та же ночь стояла передо мною въ своей прежней загадочной красотѣ. Но я смотрѣлъ на нее уже другими глазами: все окружавшее было для меня теперь лишь прекраснымъ, беззвучнымъ аккомпанементомъ къ тѣмъ борющимся, страдавшимъ звукамъ.

Теперь все было осмысленно, все было полно глубокой, духъ захватывающей, но родной, полатыной сердцу красоты. И эта человѣческая красота затмила, заслонила собою, не уничтожил, *та* красоту, попржнему далекою, попржнему непонятною и недоступною...

Въ первый разъ я воротился въ такую ночь домой вѣстливымъ и удовлетвореннымъ.

1887. 1895.

П О Р Ы В Ъ.

I.

Въ тотъ вечеръ мы засидѣлись. По крышѣ барабанилъ дождь, садъ шумѣлъ, гдѣ-то наверху, за стѣною, быстро и мѣрно капало. Все спаружи сливалось въ смутный шумъ, и рядомъ съ нимъ въ залѣ казалось особенно тихо. Самоваръ потухъ.

Шура тѣсно прижималась къ мамѣ. Мама гладила ее по головѣ и грустно говорила:

— Солнцевка наша съ каждымъ годомъ все меньше даетъ доходу, земля заложена-перезаложена, нечѣмъ даже заплатить проценты въ банкъ. Только и оставалось намъ, что поступить на должность. А ѣхать приходится въ Пожарскъ, за двѣсти верстъ. Отпускъ Богъ вѣсть когда дадутъ, живи тамъ одинъ-одинешенекъ... И какъ ему самому не хочется ѣхать! Вчера онъ говоритъ мнѣ: «уѣду я въ Пожарскъ, — когда я опять увижу мою Шурку, ся глазки и ласки?» И въ рному такъ: «глазки—ласки»...—слабо улыбнулась она.

— Мамочка, да зачѣмъ же ѣхать намъ?—быстро и умоляюще возразила Лиза.—Ну, ты говоришь, что мало денегъ. Такъ мы можемъ ѣсть черный хлѣбъ, а не бѣлый. Потомъ: зачѣмъ у насъ пирожное? Вѣдь можно и безъ пирожного очень хорошо... Всѣ эти деньги и можно копить, и тогда намъ совсѣмъ не нужно ѣхать.

— Все это мало поможетъ... Вотъ теперь ты въ гимназію поступаешь, Митѣ черезъ три года ужъ ѣхать въ университетъ. А тамъ Шура подрастетъ. На все нужны деньги, деньги... Съ пирожного тутъ не много выгадасъ.

Мама задумалась. Старшая сестра, Катя, шла на машинѣ. Мѣрный стукъ колеса одиноко раздавался въ залѣ, не мѣшаясь съ шумомъ дождя и вѣтра за окномъ.

— Да что это онъ, право, все у себя въ кабинетѣ сидитъ?.. Василій Алексѣевичъ, иди, голубчикъ, къ намъ! — позвала мама.—Что это, въ самомъ дѣлѣ! И такъ всего недѣлька осталась, а ты все у себя сидишь за бумагами. Успѣешь еще.

Папа камлянулъ, поднялся и, разминаясь, вошелъ въ залу. Сухощавое лицо его было устало, глаза, какъ всегда, смотрѣли сумрачно и озабоченно.

— Ей-Богу, вѣдь такъ и не увидишь тебя совсѣмъ. Посиди съ нами хоть немножко.

— Нужно было тамъ счеты свести за июнь... А дождь-то, слышишь?—все идетъ и идетъ!.. Это ужъ пятый день безъ перерыва. Совсѣмъ сопрѣветъ хлѣбъ въ полѣ.

— А что барометръ говоритъ?

— Э, что барометръ!—Папа безнадежно махнулъ рукою, сѣлъ на диванъ и сталъ закуривать папиросу.—Ну, а ты что, козявка, смотришь?—ласково обратился онъ къ Шурѣ, тихо щекоча ее.

Шура поехала и, удерживая его руку, переглянулась съ Лизой.

— Папа, а что я тебѣ скажу!

— Ну, что жъ ты мнѣ скажешь?

— Я сказку знаю.

— Сказку?.. Расскажи, расскажи!

Шура съ значительною улыбкою снова взглянула на Лизу. Лиза слабо вспыхнула.

— Меня Лиза научила.

— Вотъ какъ? Ну, садись ко мнѣ, рассказывай!

Шура взобралась къ папѣ на колѣни, глубоко вздохнула, еще разъ переглянулась съ Лизой и, улыбаясь, поправила на себѣ передникъ.

— Ну, разъ были три дѣвочки... маленькія. У двухъ дѣвочекъ была мама, а еще одна дѣвочка была... Какъ это?.. Знаешь, у ней не было мамы. Это называется, когда безъ мамы дѣвочка... это...

— Ну, сиротка называется.

— Да, сиротка. Ну, хорошо. Двѣ дѣвочки были нехорошія, а мама ихъ любила...

Шура рассказывала не торомясь, съ чуть замѣтною улыбкою на губахъ. Зато Лиза сильно волновалась; она не спускала съ Шуры пристального взгляда и каждую минуту была готова прійти на помощь. Но у Шуры дѣло шло хорошо.

Папа съ тихою улыбкою слушалъ и игралъ ключикомъ отъ часовъ.

— Ну, она танцевала - танцевала и нечаянно потеряла

туфельку. Царь посмотрѣлъ,—чья это туфелька? А Машечка взяла и поскорѣе уѣхала домой...

— Шура! Сандрильона!—быстро подсказала Лиза.

— Санди...лѣ...

Шура помолчала.

— Лиза, можно, я лучше «Машечка» буду говорить? А то такъ трудно,—«Сирдилѣ!»

— Говори, душечка, какъ хочешь, это все равно,—поддержаль ее папа.—Ну?

— Ну, царь взял туфельку, посмотрѣлъ... А туфелька была та-ака-я хорошая! Царь взял и говоритъ: ту дѣвочку, которой какъ-разъ... эта дѣвочка моя мама будетъ.

— Жена, то-есть?—улыбнулся папа.

— Да, да, жена!.. Ну, тогда солдаты по-ошли, по-ошли... Взяли одну дѣвочку,—знаешь, ту, злую?—а ей пальчикъ не какъ-разъ. Мама ей тихонько сказала: отрѣжь себѣ пальчикъ! Ну, хорошо. Царь приѣхалъ, посмотрѣлъ,—туфелька какъ-разъ. Вдру-угь...

Лицо Шуры озарилось торжествующей улыбкой, глаза насмѣшливо сузились.

— Вдругъ голубочки летятъ! Летятъ, летятъ, крыльями махаютъ... Всѣ испугались: чтò такое? А они летятъ и поютъ:

Царь, царь, посмотри:
Кровь течетъ на пальчикъ!

Царь посмотрѣлъ,—да!.. А-а, вотъ какъ! Ну, пшоль вонь!..

Мы расхохотались. Шура замолчала и удивленно оглядѣла насъ: она этого смѣха совсѣмъ не ждала. Папа схватилъ ее и сталъ осыпать поцѣлуями.

— Ахъ, ты, Шурка, Шурка! — хохоталъ онъ. — «Пшоль вонь»!—великолѣбно!.. Ха-ха-ха!..

Вдругъ въ окно передней раздался снаружи рѣзкій, сильный ударъ; стекла задрезжали въ рамахъ. Всѣ замолчали и переглянулись. Еще разъ ударили, и еще,—все чаще и сильнѣе.

Папа въ недоумѣннн всталъ.

— Чтò тамъ такое?

Мы поспѣшно вышли въ переднюю, я раскрылъ окно. Влажный, холодный вѣтеръ рванулъ мнѣ въ лицо; въ черномъ мракѣ не было ничего видно.

— Кто тамъ?—испуганно крикнулъ я.

Задыхающійся голосъ отвѣтилъ изъ темноты:

— Я, баринъ, Алешка съ мельницы! Впусти поскорѣй, позови старого барина!

Мы отперли дверь. Алешка вошелъ,—блѣдный, растрепан-

ный; онъ былъ босъ и безъ шапки, памокшая рубашка липла къ тѣлу.

— Помоги, баринъ! Тонемъ!

— Какъ «тонемъ»?! Въ чемъ дѣло?

— Хлещетъ вода черезъ плотину, — удержи нѣтъ! Городище все залило, подь самую мельницу подходить, гляди, сейчасъ избу сплещетъ... Хозяинъ къ тебѣ послалъ, нельзя ли ребята вашихъ на подмогу... Что только дѣлается!

— Господи ты мой, Боже! — Мама въ ужасѣ перекрестилась.

Папа кашлянулъ и нахмурился, что всегда бывало, когда онъ волновался.

— Да съ чего все это? — спросилъ онъ. — Циты-то вы на плотинѣ подняли?

— То-то, что нѣтъ! Да кто жъ ихъ зналъ? Полероньку прибывала вода, — думали, спустить всегда посрѣдемъ: что се понапрасну передъ помоломъ спускать? А тутъ вдругъ какъ хлынула, — сразу на три четверти!.. И не подступинься къ цитамъ, черезъ нихъ бѣтъ... Говорять, верхнюю мельницу прорвало, богучаровскую.

— Ступай же, Митя, разбуди скорѣй работниковъ, — обратилась ко мнѣ мама. — Боже ты мой, Боже! Вотъ несчастье-то!

— Да скажи, чтобъ багровъ захватили и веревокъ, — добавилъ папа.

Аленка стоялъ, разставивъ ноги, и поводилъ лопатками подь мокрою рубахою.

— Ты имъ, баринъ, на лошадахъ прикажи ѣхать, — сказала онъ. — Пѣшкомъ теперь не пройдешь, весь лугъ залило.

Я выбѣжалъ на дворъ. Ночь была черная-черная. Садъ глухо ревѣлъ, дождь бѣшено свѣтъ желѣзную крышу дома, вѣтеръ шумно проносился въ воздухѣ. Все кругомъ было необычно и страшно; въ буневавшемъ холодномъ мракѣ крылись стоны, гибель, смерть...

Я выбѣжалъ въ сарай, гдѣ спали работники, ощупью нашелъ койку моего пріятели Герасима и сталъ его будить. Онъ спалъ, какъ убитый, я еле растолкалъ его; долго онъ не могъ ничего понять.

— Да вставай же, Герасимъ! Паводненіе на мельницѣ, — поскорѣй!

— Па-во-дне-нъе?

Герасимъ, зѣвая, сѣлъ, обѣими горстями сталъ скрести голову.

— Поскорѣй, Герасимъ! А то тамъ все потопутъ, пока вы соберетесь.

— Небось, не потопутъ... Эй, ребята! вставай!.. Семеньчъ!.. Въ углахъ заворочались.

— Чего тамъ?—глухо отозвался Власть, рабочій староста.

— На мельницу ѣхать!.. Вставай, эй!..

— На мельницу?—сонно пролепеталъ Власть.

— Да ну, вставайте! Черти!.. Завалились!

Герасимъ прыгнулъ на полъ. Въ углахъ заворочались спящій. Кто-то угрюмо спросилъ изъ темноты:

— На каку-таку мельницу?

Я съ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Да вставайте же наконецъ! Наводненіе на мельницѣ... Поскорѣй! Богучаровскую мельницу ужъ снесло, все Городище залило.

Работники стали подниматься.

Я сказалъ Власу о баграхъ и телѣгахъ и побѣжалъ домой, къ себѣ наверхъ. Въ темнотѣ я отыскалъ и надѣлъ болыіе сапоги, пальто, но фуражки не было. Я вспомнилъ, она лежитъ въ залѣ на окнѣ.

— Куда это ты, Митя?—спросила мама, когда я вбѣжалъ въ залу и схватилъ фуражку.

Я торопливо отвѣтилъ:

— На мельницу съ работниками!

— Это еще что тебѣ вздумалось! Утонуть, что ли, тебѣ хочется, или простудиться? Нѣтъ, голубчикъ, вздоръ! И не думай!

Я остановился.

— Ну, мамочка, позволь ѣхать!—сказалъ я упавшимъ голосомъ.—Вѣдь вотъ работниковъ же ты посылаешь!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, и не думай! Работники—совсѣмъ другое дѣло.

— Я лучше всѣхъ ихъ плаваю, а съ Герасимомъ мы вчера, когда боролись...

— Ну нѣтъ, ужъ оставь это, пожалуйста! Пельзья—и пельзья. Объ этомъ нечего и говорить.

Изъ кабинета вышелъ папа.

— О чемъ это? Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Да пустяки: Митя хочетъ ѣхать на мельницу.

Папа нахмурился.

— Что тебѣ тамъ понадобилось? Оставь, братъ, это, сдѣлай милости! И безъ тебя тамъ все прекрасно обойдется. Ступай-ка лучше спать: ужъ первый часъ... Спать, спать, дѣтки! Пора!—обратился онъ къ сестрамъ.—И ты, клопеночъ, еще не спишь? Ахъ, ты, козявка! Сію минуту всѣмъ въ постель! Маршъ!.. Разъ, два, три!

Сестры простились и ушли. Папа съ мамой отправились въ кабинетъ. Я постоялъ въ опустѣвшей залѣ и побрелъ къ себѣ.

Въ полутемной передней, у окна, слабо рисовалась небольшая тѣнь. Я взглянулъ: это была Лиза. Она грызла на дрожавшихъ пальцахъ ногти и слѣдила за мною нахмуренными, блестящими глазами. Я встрѣтился съ нею взглядомъ и почему-то остановился.

— Ми-тя!

— Что?

— Митя, ты... поѣдешь туда?

Я угрюмо отвѣтилъ:

— Вѣдь ты слышала, папа не позволилъ.

— Я не знаю... Я бы...—Лиза испуганно оглянулась.

Меня вдругъ охватила злорада.

— Что бы ты?!—закричалъ я, задыхаясь. — Чего ты тутъ стоишь? Скоро часъ, давно пора спать! Вотъ я папѣ скажу, что ты тутъ... по ночамъ...

И я быстро вышелъ.

II.

Когда я поднялся къ себѣ наверхъ, сердце стучало, колѣни дрожали и подгибались. Я постоялъ среди комнаты, подошелъ къ окну и раскрылъ его. Вѣтеръ обдалъ меня мелкими брызгами; небо было такъ черно, что на немъ даже не видно было очерганій шумѣвшихъ передъ окномъ деревьевъ. Я высунулся изъ окна и сталъ смотрѣть влѣво, на дворъ.

Въ темнотѣ двигались тусклые огни фонарей; летучій свѣтъ падалъ то на морду лошади, то на задокъ телѣги, то на сумрачную фигуру работника. Съ воемъ вѣтра мѣшались грубые, заспанные голоса людей и напряженное лошадиное ржаніе. Въ душѣ у меня росло смутное, волнуемое чувство, и жадно слѣдилъ за сборами и дрожалъ все сильнѣе.

Работники снарядились. Огни фонарей замелькали быстрѣе, раздались понуканія, шумъ колесъ, и все исчезло въ темнотѣ. Сердце мое упало; я вдругъ пересталъ дрожать, волненіе прошло; съ сквернымъ, въ чемъ-то оправдывающимся передъ собою чувствомъ я отошелъ отъ окна.

Вяло раскрылъ Лермонтова, попробовалъ читать. Это былъ мой любимый поэтъ.

Часъ разлуки, часъ свиданья
Имъ ни радость ни печаль,
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Господи, какъ безцвѣтно, какъ плоско и ненужно!.. Я съ отвращеніемъ закрылъ книгу и снова высунулся въ окно.